

ВОСХОЖДЕНИЕ

**Герой Социалистического Труда,
Почетный гражданин города Гомеля
Пётр Ковалев**

КОРНИ И КРОНА

Все мы - родом из детства. Характер, поведение, отношение к труду, жизни и окружающим - все оттуда, из семьи, из неосознанных младенческих лет.

Петр Куприянович Ковалев появился на свет 5 января 1931 года в поселке Новое Заболотье Буда-Кошелевского района. Это чуть позже Заболотье стало единой деревней, а тогда оно еще делилось на Новое и Старое. В семье росли и набирались ума-разума девять братьев и одна сестра. В таких условиях сильно не забалуешь - быстро поставят на место.

Мать Анна Тихоновна днями пропадала на колхозных полях, зарабатывая трудодни, а рано утром и вечером хлопотала по хозяйству. Там же, в колхозе, трудился отец. Трудолюбие, здоровье, настойчивость, пробивные способности у всех Ковалевых - это от него, от Куприяна Александровича. Уйдя на службу в царскую армию в 1912 году, он воевал в Первую мировую, в Гражданскую был в комендантском взводе, под Курском слушал выступление Троцкого, в ходе боев в составе 1-й Конной умудрялся по два раза за неделю попадать в плен, но целым и невредимым выходить из передраг. Хотя жизнь каждый раз висела на волоске.

В одно из таких пленений от смерти спасла гармошка: «беляки» выводили из строя на расстрел каждого десятого. На Куприяне Александровиче этот порядок был нарушен: к намечающемуся сабантую как нельзя кстати потребовался гармонист.

В другой раз пленных красноармейцев гнали по станице. Куприян шел в середине толпы. Одному из земляков, оказавшемуся с краю, кто-то из станичников рубанул шашкой по плечу. Истекающего кровью, с отрубленной рукой, Куприян тащил его на себе. С губ земляка

поминутно слетало: «Куприян, не бросай меня!»

В родную деревню Куприян Александрович возвратился с Закавказского фронта в 1922 году - много повидавшим на своем веку, тертым и перетертым жизнью.

ТРЕВОЖНЫЙ АВГУСТ

Военная пора - особый период в жизни Петра Ковалева. Летом 1941 года ему было десять лет, острая детская память на всю жизнь сохранила картинки той поры - беженцев, отступающих красноармейцев и окруженцев, заходивших по ночам в деревню даже в сентябре-октябре 1941 года. Кто-то из них занес в Заболотье дифтерию, от этой болезни умерли двое братьев Петра.

Август 1941 года выдался наиболее тревожным и пугающим неизвестностью. В самом его начале Петра отправили с пустой тачкой к деду и бабке в Дербичи. До деревни - около десяти километров. Выйдя из Старого Заболотья, мальчик чуть было не попал под огонь вражеского истребителя. Тот летел низко над дорогой, переваливаясь с крыла на крыло.

Завидев самолет, Петр бросил тачку и сиганул в кусты. Но летчик стрелять не стал, разобравшись, по всей видимости, с малой значимостью цели. А еще через несколько дней Петр впервые увидел погибших красноармейцев. Отступая, они тянулись по всем дорогам. Было много неразберихи и суеты. 14 августа к Шарибовскому кладбищу выскочил немецкий десант на легких танках. Расположившись на бугорке, он встретил пулеметным огнем приближавшуюся со стороны фронта колонну из шести грузовиков с красноармейцами. Кто-то был убит сразу, кто-то ранен и сошел потом кровью, остальные разбежались. Что интересно, за 1,5 километра от места столкновения гражданские в это время еще рыли противотанковые рвы, а к Шарибовке на четырех десятках подвод подходил

конный обоз с красноармейцами. Местные, заслышав стрельбу, направили их в сторону Ветки кружным путем. Минут через сорок следом в деревне появилась конная немецкая разведка.

Многие в тот день, в том числе Петр с матерью, ходили к расстрелянным грузовикам, хоронили погибших.

Отступавших днем через пару суток сменили выходявшие по ночам из окружения бойцы 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Л.Г. Петровского. В поселке после них осталась пушка с отвалившимся колесом. Орудийный замок артиллеристы сняли и унесли, остальное попытались раскрутить мальчишки. И чуть не поплатились за это. Откатник, сорванный пружиной с последней нитки резьбы, врезался в шулу сарая, едва не покалечив одного из братьев Ковалевых - Михаила.

У МАЛЬЧИШЕК СВОИ СЧЕТ

Начало оккупации запомнилось грабежами: финны, оказавшиеся в рядах наступающих, били окна, горшки на заборах, немцы ездили по деревням, ловили кур и свиней. Их забирали и потом, увозили в Гомель, в госпиталь.

Население в период оккупации питалось картошкой, сеяло зерновые. Ковалевых здорово выручала корова.

В Новом Заболотье полицаев не было. Гарнизоны появились лишь в крупных населенных пунктах - Шарибовке, Холочье, Дербичах... Появился он со временем и в Старом Заболотье.

На первых порах оккупанты вели себя вольготно, присматривались к населению. Однако по дорогам ходить уже было опасно. В начале сентября Петр с братом Михаилом шли от деда из Дербич. Их обогнала легковая машина. Когда поравнялась с одиноким мужчиной, шагавшим по обочине, из нее прозвучали три выстрела. Мужчина упал.

С появлением слухов о партизанах, оккупанты и их пособники присмирели, по дорогам стали передвигаться только в дневное время. По ночам каждый из гарнизонов обозначал себя трассирующими очередями: дескать, мы здесь, не трогайте нас.

Партизаны тоже не заставили себя долго ждать: то заходили разведчики, то

рейдом проходил отряд. В один из таких заходов у Ковалевых хотели забрать кожух. Командир прикрикнул: кожухом за печкой укрывались дети.

В августе 1943 года в посёлок приехали немцы. Пошёл слух: ищут здоровых детей, будут увозить в специальный лагерь, забирать кровь для переливания раненым солдатам. Петр и его сверстники бросились в лес. Краем глаза видел, как далеко в стороне немец встал на колени, стал стрелять из винтовки.

Пули вжикали, пока не забежал под спасительную сень.

Хлебнуть лиха полной мерой довелось и с приближением фронта, катившегося на Запад. В поселке появились власовцы, вместе с немцами стали строить по берегу Сожа оборонительные сооружения. Выносили столы и скамейки, выдирали окна и двери, половые доски, ворота и потолки, выгребали из сараев солому. Все шло на обустройство окопов и блиндажей.

Населению оккупированных деревень в зоне оборонительных рубежей места не было, оно подлежало принудительному выселению или уничтожению. Спасались в близлежащих лесах. Погрузив нехитрый скарб на телегу, тронулась с места и семья Ковалевых. Но попала из огня да в полымя. Очищая тылы, немцы организовали прочесывание лесного массива. Людей выгоняли в чистое поле под пулеметы. С опушки леса кинулись назад в лес, потеряли друг друга. Петр со старшим братом Александром забежали в болотянку. Притихли под кустом, брат шептал: «Лежи на животе, не поворачивайся, так не страшно, когда колоть будут штыком».

Немцы, скорее всего, фронтовики, пожалели их и прошли мимо.

Мать в это время пряталась с трехлетним Яковом в корчах. Всунула ему в рот два пальца - большой и средний, чтоб не кричал, а он их грыз. Чуть ли не до костей. Спаслись. Но повезло далеко не всем. Кого-то догнала шальная пуля, кому-то просто выстрелили в затылок, поставив на колени.

26 ноября 1943 года, перед самым освобождением, Петр, пасший в лесу приبلудившуюся корову, снова наткнулся на немцев. Солдат схватился за автомат,

но офицер успел ударить снизу под ствол, пустив очередь поверх головы.

Спросили на ломаном русском:

- Где партизан?

- Не знаю!

Поморщились. Солдат толкнул в спину: беги.

Побежал. В голове только одна мысль: «Сейчас начнут стрелять».

Не выстрелили.

Прибежал в табор, устроенный односельчанами в лесной чаще. А там уже радостные крики: «На опушке - красная разведка».

СЛАШЕ ШОКОЛАПА

Переход к мирной жизни был тяжелым. Вернулись домой, там - голые стены. Конец ноября, морозы... Забили кусками досок окна, утеплились, как могли, взяли в руки лопаты, топор, пошли копать картошку. Разбивали промерзшую корку земли, доставали клубни.

Такой промысел продолжался практически всю зиму: картошка под снегом сверху была промерзшей, глубже - нормальной.

Весной пришлось переходить на гнилушки.

В Старом Заболотье в ту зиму разместили госпиталь, в Новом - строительный батальон, мостивший дороги. Кормили плохо, поэтому бойцы тоже приспособились добывать из-под снега картошку. Приезжали даже с Днепра, с линии фронта.

В апреле 1944 года в колхоз из Пензенской области прибыли два трактора «Интер» на металлическом колесном ходу. Приспособили к ним конные плужки, оставшиеся после немцев, приступили к посевным работам. Трактористы - инвалиды, их помощники - подростки. Петр Ковалев летом тоже пошел в прицепщики, а с сентября - в школу, в третий класс. Преподобнее ее здание во время войны было сожжено, занимались в двух обычных деревенских избах.

Получив начальное образование, в 1946 году, в возрасте 15 лет, по призыву пошел в школу ФЗО, которая размещалась в Г омеле на улице Жарковского. Готовили строителей. Обучали различным премудростям, а самое главное - кормили три раза в день: давали по 200 граммов

хлеба утром и вечером, 300 граммов - в обед. На первое - суп, сквозь который дно миски просматривалось " как на ладони, на второе - маслята с червоточиной, иногда - с червями. Но на такие мелочи внимания не обращали. Хлеб вообще казался слаще нынешнего шоколада.

Успешно сдал экзамен на плотника-строителя 5-го разряда, школу ФЗО Петр Ковалев окончил в 1947 году. 25 человек из выпуска, в том числе он, были отобраны и направлены в Минск, в 3-е строительное управление треста «Белтракторострой».

Возводили корпуса будущего тракторного завода, работали вместе с эсками и военнопленными, строительные зоны которых были обнесены колючей проволокой. Туда ходили по пропускам. Жили в Слепянке. В барачных комнатах - по 20 человек, умывальники и туалет - на улице. Влажные портянки сушили теплом собственного тела, положив их на ночь под простыни.

Повышали квалификацию, ходили на курсы слесарей и бетонщиков.

В 1949 году на Стахановской улице пленные немцы построили специальные бараки. Выпускников гомельского ФЗО, как молодых специалистов, переселили туда. В одной комнате там уже жило по 4 и по 6 человек.

Вскоре Петр Ковалев и некоторые из его товарищей были переведены в гремящую по всей Беларуси комплексную бригаду Тихона Кабанова, укомплектованную бывшими фронтовиками и партизанами, выпускниками школ ФЗО и вольнонаемными. Выполняли самые ответственные работы. С ними справлялись, укладываясь в отведенные сроки.

И ВСЕ-ТАКН МОРЕ ОСТАНЕТСЯ МОРЕМ...

Наступила весна 1951 года. Допризывнику Петру Ковалеву пришла повестка из военкомата. Мандатная и медицинская комиссии были единодушны - годен к службе в Военно-морском флоте. Удивительное дело, но из сухопутной семьи Ковалевых, недоедавшей и претерпевшей во время войны множество тягот и лишений, на службу в Военно-морской флот были призваны также братья

Михаил, ставший позже капитаном дальнего плавания, Николай и Яков, тянувшие ляжку в подводном флоте. Петр, когда получил повестку, надеялся попасть в автобат, так как к этому времени успел отучиться на курсах ДОСААФ и получить

права водителя 3 класса. Житейская сметка подсказывала: в армии можно закрепить полученные навыки и вернуться на гражданку состоявшимся шофером.